

Или, может быть, «Мне стоит попробовать дать ему что-то другое, чтобы он попробовал?»

Размышляя об этом, он вдруг услышал впереди звук «плюх...». Его изысканное лицо на мгновение застыло, он медленно поднял голову, уголки губ подрагивали:

«Боже, кто научит меня, как растить этого ребенка? Ааа...»

Впереди, в горячем источнике, малыш прямо прыгнул в воду и теперь весело плавал. Его пухленькое личико, мокрые волосы, прилипшие ко лбу, и радостный взгляд, с которым он обернулся к Ли Фаньиню, говорили:

— Папа, иди сюда, вода такая классная!

Ли Фаньинь:

— ...

Как трехлетний малыш может быть таким бесстрашным? Ведь обычно дети сначала осторожничают, прежде чем что-то сделать. Почему он просто прыгнул?

На прекрасном лице Ли Фаньиня застыли шок и недоверие...

Он подошел с каменным выражением лица, «холодно» схватил малыша за воротник и вытащил его из воды, словно мокрый комок теста. Затем он молча наблюдал, как капли воды с одежды малыша стекали на его обувь...

Глубоко вздохнув, он с трудом сдержал внутренний крик и потащил малыша в пещеру переодеться.

— Ха-ха... — малыш, с каплями воды на лице, совсем не воспринял его «сердитый» вид и весело смеялся. Его мокрые ручонки схватились за одежду Ли Фаньиня, и теперь он сам был весь мокрый...

«Сдерживайся, не обращай внимания на ребенка!» — Ли Фаньинь внутренне напомнил себе, снова выдохнув...

Тем временем в одной из скрытых пещер Тяньчжэ:

— Ты сам решил расторгнуть помолвку, ты... — пожилой мужчина, задыхаясь, свернулся на полу, испуганно глядя на молодого человека, который, казалось, отдыхал на кушетке... Но в его глазах все еще горела обида, и он пытался спровоцировать того на гнев.

Услышав это, молодой человек на кушетке вдруг взмахнул рукавом, и пожилой мужчина закричал от боли, катаясь по полу в поту... Внутри он не мог не испытывать ненависть, но все еще пытался бороться:

— Я твой отец, ты...

— С того момента, как ты начал строить против меня козни, у меня, Юнь Сюйяня, больше нет отца! — холодный голос молодого человека прозвучал с явной ненавистью.

— Если бы не ты, как бы мы с Инь-инем оказались в таком положении?

Юнь Сюйянь открыл глаза, встал босыми ногами, его красные одежды стелились по полу.

— Кх-кх... — сдерживая сильную боль в груди, Юнь Цземо все же не удержался от злобного сарказма:

— Ха, это ты сам настаивал на разрыве помолвки, зачем теперь винить других?

— Да? Ха... — Юнь Сюйянь бросил на лежащего человека глубокий взгляд и вдруг улыбнулся странной, зловещей улыбкой.

Он шагнул вперед, и Юнь Цземо, лежа на полу, невольно сжался. Он увидел бледные ноги, остановившиеся прямо перед ним. Затем одна из них резко опустилась на его грудь, и кровь хлынула из его рта...

— Ух... Негодяй! Кх-кх...

— Если бы не твои козни, как бы мы с ним оказались в такой ситуации? — его грудь тяжело вздымалась от ярости.

— Ха, но ничего! Он рано или поздно вернется! — в глазах Юнь Сюйяня бушевали кровавые волны. Его глаза, слегка приподнятые на концах, были одновременно соблазнительными и пугающими, но в них не было ни капли эмоций, лишь переменчивость.

Бледное лицо, черные ресницы, слегка красные глаза и губы, словно только что окрашенные кровью, изогнулись в улыбке. Он смотрел вдаль, словно в безумии.

— Инь-инь не хочет возвращаться, тогда я сам найду тебя, хорошо? — его голос, полный нежности, раздался в тишине пещеры.

Он опустил взгляд, поправил прядь волос, упавшую на лоб, с легкой улыбкой, словно с сожалением:

— Я каждый день ношу красные одежды, чтобы в момент нашей встречи сразу же жениться на тебе!

— Ты думаешь, кх-кх... что сможешь победить Ли Аньсюаня и Дао-лорда Цинхуна? — лежащий на полу мужчина, долго молчавший, внезапно прервал гнетущую тишину.

Юнь Сюйянь холодно взглянул на него, словно видя его насквозь:

— Ты думаешь, я не знаю, что ты замышляешь?

— Ты говоришь о том, кому служишь?

Услышав это, не только Юнь Цземо, но и скрывавшаяся в его теле черная дымка, напоминающая лицо, были поражены...

— Ха... — Юнь Сюйянь презрительно усмехнулся, — В такой момент, и это «что-то» даже не пытается спасти тебя?

Честно говоря, Ли Фаньинь вдруг почувствовал, что совершенствование стало скучным. Возможно, это из-за слишком однообразной жизни или чего-то другого. Но уже несколько дней его старшие братья, которые обычно всегда были рядом, не появлялись.

Вокруг было необычайно тихо!

А его отец, который обещал приехать в Секту Фаньмэн не позже чем через две недели, уже почти месяц не подавал никаких вестей.

К счастью, рядом был малыш, который постоянно устраивал смешные и нелепые выходки, что хоть как-то развлекало его.

Однако его беспокоило, что малыш ел только пилюли сгущения росы. И каждый день съедал около четырех бутылок, а это почти сорок четыре пилюли. Обычные ученики Секты Фаньмэн с трудом зарабатывали очки, чтобы получить хотя бы одну.

Но благодаря тому, что Дао-лорд Цинхун благоволил ему, он получал пилюли в огромных количествах. Поэтому он мог позволить себе кормить ребенка элитными пилюлями, как конфетами.

Только он не знал, рассердится ли учитель, если узнает.

«Ладно, лучше не говорить ему!» — он инстинктивно чувствовал, что учитель вряд ли обрадуется. «Если вдруг закончатся, тогда попрошу еще», — подумал он.

На самом деле он не понимал, почему его прежде спокойное сердце в последнее время так часто волнуется. Он просто не мог успокоиться.

Наступил вечер. Он, одетый в белую ночную рубашку, лег на кровать. Только он устроился, как мягкий, теплый комочек уже катился к нему в объятия.

— Папа... — из-под одеяла донесся сонный, невнятный детский голос.

Он приподнял край одеяла и увидел, что малыш, весь красный от жары, с капельками пота на лбу, все еще смотрел на него яркими глазами. Его пухлая ручка обнимала его за талию, а голова удобно устроилась на груди.

Он не удержался и ткнул пальцем в милую ямочку на щеке Фаньфаня. Хотя иногда малыш ставил его в тупик, в такие моменты, когда он тихо лежал рядом, позволяя себя тискать, его сердце наполнялось нежностью.

«Он все-таки милый», — прошептал он себе.

С его ракурса было видно только длинные, загнутые ресницы Фаньфаня, похожие на девичьи.

— Папа...

— Да.

— Папа...

— Папа...

— Папа, ты меня любишь? — ресницы малыша уже начали дрожать, глаза медленно закрывались, он явно засыпал.

— Люблю, — тихо ответил он.

Сказав это, он провел рукой по маленькой головке на его груди. Волосы Фаньфаня были короткими, он обычно заплетал их в маленький узел. А вечером, после купания, распускал.

Теперь его пальцы скользили по мягким волосам, и он снова не удержался, погладил их.

— Фаньфань... — тихо позвал он, но ответа не последовало. Он слегка наклонился и увидел, что малыш уже крепко спал.

Он аккуратно поправил его голову.

<http://bllate.org/book/16649/1525441>